

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
Новосибирского государственного технического университета,
доктор технических наук, профессор А.Г. Вострецов

16 мая 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Виктории Александровны Горбуновой на тему «Реализация типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в «Паренесисе» Ефрема Сирина в переводах XIV-XX вв.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование В.А. Горбуновой выполнено в рамках теории моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения и посвящено описанию реализации типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в тексте сборника учительных слов «Паренесис» Ефрема Сирина. Обращение к фактическому материалу, представляющему собой памятник древнерусской культуры, обуславливает сложность исследовательской задачи в силу его отнесенности к древнейшему периоду распространения письменности и становления литературного языка у восточных славян, переводной природы текста и его бытования в условиях специфической языковой ситуации. Отсутствие до настоящего времени сколько-нибудь полных комплексных лингвистических описаний произведения, фрагментарность существующих описаний единиц синтаксического уровня на фоне активного в последние десятилетия текстологического и лингвистического изучения богослужебных памятников определяют новизну представленной работы и ее актуальность.

Теоретическая значимость исследования заключается в описании синтаксических моделей с пространственным значением в диахронном аспекте, его результаты представляют собой вклад в описание «грамматического измерения» церковнославянского текста.

Практическая значимость работы определяется потенциалом представленного в ней репертуара типовых синтаксических структур для научной деятельности, связанной с составлением словарей церковнославянского языка, переводом древнерусских литературных памятников на современный русский язык, для преподавания старославянского / церковнославянского языка, а также речеведческих дисциплин, апеллирующих к теории языковой нормы в части ее исторического развития.

Объем выборки (6300 единиц) и апробация результатов (восемь публикаций по теме исследования, четыре из них – в научных изданиях, рекомендуемых ВАК), внушительный список теоретических источников по структурному, семантическому и когнитивному синтаксису, текстологии, лингвотекстологии не оставляют сомнений в достоверности представленного исследования.

Сложность поставленной цели – выявления круга структурных разновидностей бытийно-пространственных гипермоделей, элементарного простого предложения церковнославянского языка в «Паренесисе» Ефрема Сирина, системном исследовании круга структур, выражающих различные типы пространственных отношений, а также производных от них моделей, реализующих непространственные значения – по-видимому, объясняется неоднородностью, многослойностью самого объекта и его интерпретационным потенциалом. Достижение цели осуществляется решением ряда поставленных автором задач: каталогизации употребляющихся в тексте памятника структур, описывающих пространственные ситуации, установления системных связей между пространственными моделями и определения границ структурно-семантического варьирования, определения вторичных значений объекта, реализуемых в произведении, характеристики метафорических преобразований исследуемых структур, сопоставления характеристик объекта в различных переводах «Паренесиса» – на церковнославянский и современный русский язык. Последовательность задач исследования определяет структуру основной части, которая представлена четырьмя главами, отражающими их решение. В целом текст содержит Введение, четыре главы, Заключение, Список литературы и Приложение «Список синтаксических символов и сокращений».

Введение соответствует требованиям начального структурно-смыслового компонента диссертации, включает элементы, в сумме составляющие описание понятийно-терминологического инструментария исследования. Основные положения,

выносимые на защиту, в целом позволяют судить о реализации поставленных задач на соответствующем статусу работы уровне. В силу отсутствия прецедентов применения моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения в исследованиях древних переводных источников уместной была бы, как кажется, формулировка гипотезы исследования.

Первая глава включает теоретические основания исследования и состоит из трех параграфов. Особое место занимает представление «Паренесиса» Ефрема Сирина как объекта лингвистического исследования. Обосновывая научный потенциал произведения, автор демонстрирует эрудицию и достаточно глубокое освоение теоретических работ по изучаемой проблеме. При этом не совсем оправданным с нашей точки зрения представляется утверждение автора о том, что «по всем признакам именно церковнославянский язык следует считать первым литературным языком, сложившимся на славянской почве, в том понимании, которое изложено В. В. Виноградовым: «Литературный язык – это общий язык письменности того или иного народа, а иногда нескольких народов – язык официально-деловых документов, школьного обучения, письменно-бытового общения, науки, публицистики, художественной литературы, всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме, чаще письменной, но иногда и в устной» (с. 13). Говоря о книжном языке раннего древнерусского периода, вряд ли можно характеризовать его как полифункциональный, в частности обслуживающий сферу официально-делового и письменно-бытового общения.

Логическим продолжением первого параграфа является изложение истории изучения «Паренесиса» в отечественной исторической лингвистике. Собственный шаг в исследовании памятника автор предваряет описанием различных подходов к описанию структуры и семантики простого предложения, в ряду которых особое внимание уделено теории моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения, и описанием современных лингвистических представлений о семантической категории локативности. Нельзя не отметить основательность в изложении теоретических основ данных аспектов, неизбежную в силу дискуссионного характера некоторых базовых понятий и положений. Однако в свете достаточно четко определенных исходных позиций исследования в методологическом аспекте материал представляется несколько избыточным, что подтверждается отсутствием соответствующих задач в ряду поставленных перед собой автором работы. В частности, представляется, что апелляция к истории развития лежащей в основе представленной работы теории и формирования круга ее базовых понятий во втором параграфе первой главы (с. 22-49) могла бы носить более конспективный характер. И напротив, более развернутым, оформленным в виде

проблемного изложения, видится обоснование выбранных концепций, если речь действительно идет о его актуальности. В противном случае, как кажется, отсутствует необходимость в констатации выбора, например, концепции парадигмы простого предложения или понятия изосемичности (с. 49): этот выбор обосновывается всем предшествующим повествованием, и уже в нем было бы уместнее, на наш взгляд, расставить необходимые акценты в рамках рефлексивного элемента изложения. Классификация И.А. Мельчука, положенная в основу моделирования типовых синтаксических структур в исследуемом памятнике и представляющая собой типологию пространственных отношений и способов их реализации (с. 57), на наш взгляд, заслуживает большего внимания в первой, теоретико-методологической, главе. Не находят, к сожалению, отражения в первой главе и выделенные в соответствии с указанной классификацией девять классов структурных моделей (инэссивные, суперэссивные, субэссивные и т.д.), составляющие предмет исследования в следующих главах диссертации.

Третий параграф первой главы посвящен категории локативности: автор рассматривает лингвистическую теорию локативности и связанные с ней понятия. Опираясь на посвященные данному феномену теоретические исследования, В.А. Горбунова последовательно рассматривает категорию локативности и типы пространственных отношений. Обращаясь к сосуществующим в лингвистике пониманиям категории пространства – узкому ('местоположение объекта в физической реальности') и широкому, апеллирующему также к пространствам социального мира, ситуаций и т.д., т.е. к так называемым «виртуальным» пространствам, автор останавливается на узком подходе, аргументируя свой выбор тем, что способы описания физической реальности являются базовыми для формирования средств описания «мира вымысла» (с. 51). Данное решение автора вызывает неоднозначную реакцию и в части формулировки («мир вымысла»), и в содержательном аспекте в силу отмеченной исследователями необходимости учитывать динамику соотношения концептов 'теоцентризм'/'антропоцентризм' в разные периоды развития языка, в связи с чем именно широкий подход к пониманию пространственной семантики представляется более релевантным.

Содержание параграфа в части апелляции к пространственной семантике соответствует поставленным задачам, но именно в данной части диссертации представляется уместным развернутое обоснование понимания автором самого термина «бытийно-пространственный» в силу отсутствия в исследовании прямой апелляции к бытийности, связь пространственных отношений с которой никто не оспаривает. По

наблюдениям исследователей, сообщение о бытии без указания на его квалифицирующие признаки, в том числе пространство существования/наличия, происходит сравнительно редко. Так, в работе К.В. Чвани «О синтаксической структуре предложений с глаголом быть в русском языке» в качестве примера приводится предложение *Бог есть*. К сожалению, в списке литературы в ряду исследований Н.Д. Арутюновой отсутствует работа, в частности, отражающая взаимодействие названных семантических категорий в составе предложения (Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). – М.: Русский язык, 1983). Осталось за пределами внимания автора и исследование, рассматривающее бытийность в диахронном аспекте, как эволюционирующую систему, в том числе во взаимодействии с полем локативности (Заметалина М.Н. Функционально-семантическое поле бытийности в синхронии и диахронии. – Волгоград: Перемена, 2002). В этой связи возникает вопрос к автору: чем обусловлено сужение семантики изучаемого типа предложения?

Обращает на себя внимание некоторая путаница с термином *субъект*, который автор вводит «во избежание конфликта» разных терминологических систем вместо традиционно используемых для обозначения одного из необходимых компонентов пространственной ситуации, связанной с семантической категорией локативности (с. 52). Акцентируя внимание на термине «субъект», в последующем описании признаков указанного компонента пространственной ситуации, исследователь опирается на работы ученых, использующих в данном случае термины «объект», «объект локализации», в результате чего возникают не совсем корректные, на наш взгляд, формулировки типа: «Локум и субъект локализации характеризуются специфическими наборами признаков <...> Перечень этих характеристик Л. Талми представляет в виде следующего набора оппозиций: Объект локализации (Figure) – Локум (Ground)» (с. 52); «Подобной точки зрения придерживается М. В. Филиппенко, отмечая, что распределение геометрических характеристик между локумом и *субъектом* (выделено нами) не случайно, но «обусловлено... принципами организации пространства, которые требуют, чтобы некоторый *объект* был встроен, помещен относительно некоторого другого *объекта*. Этот другой *объект* должен обладать свойствами, облегчающими поиск, – отсюда неподвижность, громоздкость, заметность “фона”»» (с.53). К технической неточности можно отнести смешение в рассуждениях самого автора терминов «локум» и «субъект» и соответствующих компонентов пространственной ситуации, определение которых дается в обратной последовательности (с. 52).

Вторая глава содержит результаты работы по каталогизации структур, употребляющихся в тексте исследуемого памятника литературы. Решение задачи

описания синтаксического уровня произведения автор видит в применении современной методологии с применением выработанных в ее рамках приемов, результатом которого является выявление и описание трех разновидностей структур с прототипической пространственной семантикой: статические, объединяющие частные подтипы существования, местонахождения, наличия, и двух типов динамических – собственно движения и каузированного движения. Было установлено, что изосемические статические конструкции представлены рядом разновидностей, в числе которых инэссивные, суперэссивные, субэссивные и другие модели, каждой из которых посвящен специальный раздел параграфа, включающий последовательное описание модели, ее семантики, вариативных возможностей и их реализации в исследуемом материале. В блоке моделей движения выделено пять разновидностей на основании типов локализаторов в них: делокативные, адлокативные, транслокативные, комбинированные и ориентационные, выявлены классы, демонстрирующие структурно-семантическую дифференциацию, и классы с ограниченным структурным варьированием. Описание динамического существования продолжается обращением к моделям каузированного движения, демонстрирующим как сходства с моделями собственно движения, так и специфические процессы, связанные с усложнением внутренней конфигурации ситуации в результате введения дополнительного участника. Особое внимание в главе уделено метафорической трансформации выявленных статических структур, случаям неизосемического заполнения синтаксических позиций моделей движения. К сожалению, в предложенном описании некоторые контексты для предлагаемых семантических интерпретаций представляются недостаточными. Напр., ...от любви Бжия = «от того, чтобы любить Бога» (с. 167), что, на наш взгляд, может быть развернуто в следующую предикативную конструкцию: чтобы Бог любил.

Третья глава в соответствии с внутренней логикой исследования представляет реализации структур бытийно-пространственного блока, не сводимых к пропозициональному значению. Анализ материала позволяет автору говорить о существовании трех их разновидностей: конструкций с релевантным значением, структур, содержащих квалификацию ситуации как принадлежащей ментальной сфере, и построений с особыми лексемами – маркерами отсылки к прецедентным христианским текстам. Первая группа охватывает единицы как статического, так и динамического типа, но особым образом репрезентируется в каждом из них: отмечено характерное соотношение структур статического блока, моделей собственно движения и каузированного движения соответственно с темпоральной, целевой и причинно-следственной семантикой.

Четвертая глава диссертации посвящена реализации структур бытийно-пространственного блока в «Творениях» Ефрема Сирина и представляет собой попытку сопоставления системы пространственных отношений и способов ее репрезентации в тексте на церковнославянском языке и в современном переводе. Автор, выявляя особенности функционирования конкретных структур и их частных значений, обнаруживает некоторые отличия на фоне доминирующих сходств. Отмечены унифицированность форм в структуре предложений языка «Творений», связанная, в частности, с экспансией предложно-падежных форм в некоторых структурах (апудэссивных и апудаблативных); утрата синкретичности одной из моделей делокативного блока, потеря продуктивности ряда метафорических механизмов (метафоры трассы как образа действия и удаленности как непричастности). Материал главы интересен своей неоднородностью: сравнение объекта исследования в «Паренесисе» и «Творениях» Ефрема Сирина не является механистическим и дает основания для некоторых обобщений в отношении композитности текста «Творений», заключающейся в сосуществовании в нем следов модернизации языка и влияния церковнославянской языковой системы и связанных с устойчивостью христианской картины мира, сохранением базовых пространственных концептов, проявлением принципа соборности.

Результаты классификационной работы, проделанной автором, являются очередным подтверждением идеи живости и подвижности смысловых границ той или иной синтаксической структуры, и характеризуется в части описания объекта высокой степенью основательности. В целом следует отметить скрупулезность самостоятельной исследовательской работы автора с материалом, тем более сложной в силу своей многоаспектности (перевода, анализа структуры, интерпретации), а также наличие естественного для работы со столь сложным фактическим материалом модуса осторожности и рефлексивного элемента представления результатов исследования, в должной степени раскрывающего его последовательность, демонстрирующего погруженность автора в исследовательскую работу, заинтересованность в ее результатах. Все сделанные замечания не претендуют на опровержение авторской концепции и не снижают научной значимости проделанной работы и ее результатов.

Работа Виктории Александровны Горбуновой «Реализация типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в «Паренесисе» Ефрема Сирина в переводах XIV-XX вв.» характеризуется новизной материала, строгостью методики, представляющими большой научный интерес выводами, — все это дает основания констатировать, что диссертация соответствует п. 7 Положения о присуждении

ученых степеней и является научно-квалификационной работой, полностью отражающей решение актуальной задачи в области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. Исследование соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв подготовлен сотрудниками кафедры филологии Факультета гуманитарного образования НГТУ: кандидатом филологических наук, доцентом Светланой Владимировной Русановой, кандидатом филологических наук, доцентом Еленой Валерьяновной Карповой. Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры филологии ФГО НГТУ 13 мая 2016 г. (протокол № 5).

Заведующий кафедрой филологии
Факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного
технического университета
доктор филологических наук

Г.М. Мандрикова

Прошу заверить нас, СК ИТМ, Мандриковой Г.М. Иванов СК

